

Сибиряки спасут Москву!

21 июня 1941 года

1

Я сдал на пятёрку последний экзамен,
хотелось плясать, на качелях качаться,
моторку окинув шальными глазами,
с любимой по Яузе лихо промчаться.
Услышать, как плещет она под окошком,
с улыбкой внимать петушину крику,
и, встав спозаранку, с ведром и лукошком
к знакомой поляне поспеть на клубнику.
Спешили в кино беззаботные люди,
вели ещё хлеб для Берлина составы...

А немцы уже наводили орудия
на наши заставы.

2

А мать была рада, что за две недели
достала на сочинский поезд билеты.
Вокруг пассажиры толкались, галдели,
мечтая добраться до южного лета.
Бежали навстречу берёзы и липы,
чернели дождями размытые тропы.
На станциях бабы кричали до хрипа,
торгуя горячей картошкой с укропом.
В вагоне смеялись. А возле окна
динамик хрипел:

— Если...
завтра...
война...

22 июня 1941 года

Сулил воскресный вечер танцы,
смолил смычки концертный зал,
но шли в колоннах новобранцы
не на концерт, а на вокзал.
Шли с полной выкладкой, сутулясь,
суровые не по годам,
сквозь строй знакомых с детства улиц,
к разгорячённым поездам.
Уже не мальчики — солдаты,
герои будущих побед!
Они ни в чём не виноваты,
но им пришлось держать ответ
за то, что Сталин промахнулся
и в отчий дом пришла беда...

Состав ушёл и не вернулся,
и не вернётся никогда.

Старая церковь

В который раз, построив танки ромбом,
фашисты шли на приступ — цепь за цепью.
Оглушённые от пушечного грома,
мы от огня укрылись в старой церкви.

Качались наверху паникадила,
со звоном наземь падали иконы,
лампадка лихорадочно чадила
и колокол гудел на колокольне.

Но тщетно в стены бухали снаряды,
у предков был кирпич прочней бетона,
они в тот день вставали рядом,
им было не впервой разить тевтонов.

Они неволе — смерть предпочитали...

А поутру, разглядывая фрески,
мы над бойницей надпись прочитали:
«Собор основан Александром Невским».

Смерть командира

Как всё стряслось, не помню толком,
хоть память залистал до дыр.
Случайным раненый осколком,
упал наш ротный командир.

Он был один за нас в ответе...
Не в силах сделать ничего,
осиротевшие, как дети,
столпились мы вокруг него.

Пароход «Одесса»

Река и пристань. Мгла над лесом.
Под крик детей и всхлипы баб
усталый пароход «Одесса»
на пыльный берег сбросил трап.
Прощанья краткие мгновенья
и взгляды, полные тоски,
объятая, слёзы, уверенья
в любви до гробовой доски.
Все ново нам на пароходе,
но взять ещё не в силах в толк,
что мы уже не парни вроде,
а запасной стрелковый полк.
Стоим, робеючи, в сторонке,
сердечко ёкает в груди...

А ордена и похоронки —
ещё всё это впереди.

В эшелоне

Вечернее солнце, устав,
катилось к черте горизонта,
и мчался стремительно к фронту
окутанный дымом состав.
Противником взятый на мушку,
был выгнут дугой перегон,

я видел из люка теплушки
последний и первый вагон.
Теплушку трясло и качало,
хлестал по вагонам свинец,
и я уже думал: конец!..
А это лишь было начало.

Командир

Обессилев до тошноты,
сердцем чувствуя земли притяженье,
мы под сенью ночной темноты
выходили из окруженья.
Как рыбы, выброшенные на песок,
жадно ртами хватали воздух.
Вспоминая отчаянный марш-бросок,
располагались на краткий отдых.
Нас наганом с земли командир поднимал,
матерясь, он стрелял у меня над ухом,
а я, как убитый, под дубом спал,
и земля мне казалась лебяжьим пухом.
Но, какой-то неведомой силой влеком,
превозмогая слабость и нехотенье,
я поднимался, преодолевая закон
всемирного тяготенья.

И дело здесь было, конечно, в том,
что среди этих дебрей, нам не знакомых,
наш командир был сильней, чем Ньютон,
не нюхавший наших военных законов.
Он шёл рядом с нами, голодный и злой,
с лицом от бессонницы иссиня-бледным,
но в солнце, встающем над мёртвой землёй,
он видел солнце нашей победы.

7 ноября 1941 года

Вся в синих стрелах, как в зарубках,
белеет карта на столе,
Верховный молча курит трубку,
один в пустующем Кремле.
Враг снова наступленье начал,
и фронт висит на волоске...
А он вчера парад назначил
на Красной площади, в Москве.
Столицу враг бомбил жестоко,
бежали люди кто куда...
Но шли и шли к Москве с востока
и днём, и ночью поезда.
За лесом синим и зелёным
глухие слышались гудки,
и — эшелон за эшелон —
шли на парад сибиряки,
туда, где цвета алой крови
знамёна подняла Москва,
где в ожиданье наготове
застыли грозные войска.
Пушистый снег покрыл брусчатку.
Едва сменился караул,

как дирижёр, надев перчатку,
волшебной палочкой взмахнул!
И марш торжественный, бравурный
сердца солдатские потряс...
И, вскинув руку над трибуной,
к Победе звал Верховный нас.
Снежок порхал над Мавзолеем,
и «Яки», вспарывая высь,
над Историческим музеем
быстрее молний пронеслись.
Уже готовые к атаке,
по опустевшей мостовой,
задраив люки, мчались танки
громить фашистов под Москвой.
А под Москвой взрывались мины,
свистела смерть над головой...
Мы день Октябрьской годовщины
встречали на передовой.
Фон Бок на нас все силы бросил,
победой бредя наяву...
Не знал фельдмаршал, что в ту осень
сибиряки спасут Москву!

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

Ребятишки глядят почтительно
на мои ордена

* * *

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.

Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недалёт.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лёд.
Я в нём, как мушка в янтаре.)

Ну что с того, что я там был.
Я всё избыл. Я всё забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне —
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той зимой
уже меня не разлучить
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)
Но что с того, что я там был!..

* * *

В ожидании дел невиданных,
из чужой страны,
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришёл с войны.

Огляделся. Над белым бережком
бегут облака.
Горожанки приносят бережно
куски молока.

И скользят, на глаза на самые
натянув платок.

И полозья скрежещут санные,
и звенит ледок.

Очень белое всё и светлое —
ах как снег слепит!

Начинаю житьё оседлое,
позабытый быт.

Пыль очищена, грязь соскоблена
и — конец войне.

Ничего у меня не скоплено,
всё моё — на мне.

Я себя в этом мире пробую,
я вхожу в права.

То с ведёрком стою над прорубью,
то колю дрова.

Растолку картофель отваренный —
и обед готов.

Скудно карточки отоварены
хлебом тех годов.

Но шинелка на мне починена,
нигде ни пятна.
Ребятишки глядят почтительно
на мои ордена.

И пока я гремлю, орудия
кочергой в печи,
всё им чудится — бьют орудия,
трубят трубачи.

Но снежинок ночных кружение,
закононый свет —
словно полное отрешение
от прошедших лет.

Ходят ходики полусонные,
и стоят у стены
сапоги мои, привезённые
из чужой страны.

Моё поколение

И убивали, и ранили
пули, что были в нас посланы.
Были мы в юности ранними,
стали от этого поздними.
Вот и живу теперь — поздний.
Лист раскрывается — поздний.
Свет разгорается — поздний.
Снег осыпается — поздний.
Снег меня будит ночами.
Войны мне снятся ночами.
Как я их скину со счёта?
Две у меня за плечами.
Были ранения ранние.
Было призвание раннее.
Трудно давалось прозрение.
Поздно приходит признание.
Я всё нежней и осознанней

это люблю поколение.
Жёсткое это каление.
Светлое это горение,
Сколько по свету кружили!
Вплоть до победы — служили.
После победы — служили.
Лучших стихов не сложили.
Вот и живу теперь — поздний.
Лист раскрывается — поздний.
Свет разгорается — поздний.
Снег осыпается — поздний.
Лист мой по ветру не вьётся —
крепкий, уже не сорвётся.
Свет мой спокойно струится —
ветра уже не боится.
Снег мой растёт, нарастает —
поздний, уже не растает.

ИННОКЕНТИЙ ЛУГОВСКОЙ

Учила нас Русь: Служивый, не трусь.

Тишина

Авиабомбы волчий вой,
Гул смертоносной стали...
Страшно подумать — на передовой
Годами солдаты не спали!

Если есть ад,
Так это был ад:
Огонь на огонь умножался.
И если уж там засыпал солдат,
Так больше не пробуждался.

И вдруг...
Тишиною полки сражены...
Всё замолчало, окаменело...
И с непривычки от тишины
В солдатских ушах зазвенело.

И тот,
Кто на свете всё претерпел,
Отвык от тепла, тишины и ласки,
Прислушался, вздрогнул, оторопел:
Над парнем жаворонок запел
Вместо фашистской фугаски...

Пусть будет во веки веков слышна
Майская песня и тишина!

Память солдата

Стараюсь забытья —	Вздремну лишь —
Не могу забытья,	Атака в четыре броска,
Днями, ночами...	Лязгает сталь,
Вновь и вновь	И космическим холодом
Былому солдату	Пуля сквозит возле виска.
Солдатское снится:	Пропела тоненько,
Кровь и окопы,	Как муха в ухо,
Окопы и кровь!	И грёзу от яви не отличить.
Память стучит	Атомный зверь, стальная ли муха
По сердцу молотом.	Одинаково могут

С землёй разлучить.
Нет, не боюсь
Ни врага, ни смерти,
Учила нас Русь:
Служивый, не трусь.
За солнце, за воздух,

За зелень, поверьте,
За всех ребятишек боюсь!
Когда будет бомба
С учёта снята,
Тогда успокоится
Память солдата...

Сняли с учёта

Торжественный марш
Боевого почёта:
Офицеров запаса
Снимают с учёта.

Стоим по уставу
В последнем строю.
Говорит военком:
Бла-го-да-рю!

За службу, за дружбу,
За усталость...
И вдруг улыбнулся:
Отвоевались!

Военный билет
Возьмите на память...
Стоим. На висках у нас
Снежная замять.

Смотрю на билет,
Где даты даны:

Четыре абзаца —
Четыре войны.

Что ж, стариканы,
Года-то правы.
Зато сыновья-то
У нас каковы!

Новый солдат
Перед старым солдатом,
Как перед пулей
Разбуженный атом.

В дали далёкие
Смотрят ракеты:
Стоят наши парни
На страже планеты.

Стоят, чтобы мирно
Вращаться планете,
Вечно купаясь
В солнечном свете!

Громче орудий

Под орудийные раскаты,
Под миномётный вой и лай
Его не слышали солдаты,
Четвёртый май, военный май.

Но вот пурга войны отвыла
И канонада не слышна.
И словно пульс остановила
У всех живущих тишина.

И сразу, после круговерти
Огня и дыма, пуль и тел,
Он взвился ввысь над полем смерти
И, как бубенчик, зазвенел.

Он пел и ввинчивался круто
В безмерно-синий небосвод.
И лучше не было салюта
Бойцам, закончившим поход.

Он пел о мае, о невесте,
Он пел о том, что жизнь сильна.
И лучше не было той вести,
Что сражена сама война.

Он пел... Молчали пушки, люди,
Молчало небо и лесок.
Он пел... И громче всех орудий
Гремел бессмертный голосок!

«Здесь в сорок пятом
Русские прошли!»

О чём ты думаешь?..

О чём ты думаешь, солдат,
Взойдя на гребень перевала?
Кругом, куда ни кинешь взгляд,
Лишь только пропасти да скалы.

Кругом маньчжурская земля,
Хребты её непроходимы...
Как далеко сейчас поля
И рощи Родины любимой.

Шагаем день за днём подряд,
И зной палит нас неустанно.
Куда же ты глядишь, солдат,
С заоблачных высот Хингана?

— Мне даль таёжная видна,
Волна песчаный берег лижет.
Там Родина лежит.

Она,
Чем дальше я, тем сердцу ближе.

* * *

Идём по спалённой пустыне,
По руслам исчезнувших рек...
Мне кажется: падает синий,
Пушистый, сверкающий снег.

Не звёзды ль вступили в круженье?
Боец любоваться не прочь,
Но нас ожидает сраженье
В грядущую черную ночь.

Песок точно после пожарищ,
Колюча сухая трава...
— Гляди! — восклицает товарищ, —
Сверкает озёр синева!

Нам кажется: плещется влага,
И мы убыстряем шаги.

Милей, чем столетняя брага,
Воды животворной круги.

Как будто доносится свежесть
Сквозь горький, томительный зной,
Сквозь лютую эту безбрежность
Озёра зовут белизной.

Дорога куда-то отбилась.
К терпенью себя приневолю.
...В озёрах вода испарилась,
Осталась лишь горькая соль.

И снова пылает дорога,
Пески обжигают, палят.
— Ну, что ж, до колодца немного, —
Со вздохом промолвил солдат.

Танк в облаках

Танк на Хингане. Вестник нашей славы,
Он вознесён на гребне в облака,
Как монумент могущества Державы,
Прославленной отныне на века.

Травую зарастут войны дороги,
Но этот танк от Родины вдали
На башне сохранит простые строки:
«Здесь в сорок пятом
Русские прошли!»

Годовщина

Сигнал. И тронулась колонна
Вперёд, в неведомую даль...
Там близких нет, ни слёз, ни стона,
Напутствий нет — и это жаль.

И после многих битв и стычек,
Как древний грозный великан,
Предстал во всём своём величье
Синеющий Большой Хинган.

Для танков здесь тропинки узки,
Темна подъёмов крутизна,
Но нет нигде преград для русских.
Грядёт победная весна!

Над хмурию жарких перекаатов,
Поросших жалкою травой, —
Знамёна.

Под руку Саратов
Идёт с Иркутском и Читой.

Пусть градом бьёт,
пусть жажда мучит,
Но мы стремимся от беды
Идти быстреей.
Беда научит,
Как обходиться без воды.

Дуб в пустыне Чахар

Как старик седой у двора —
У дороги столетний дуб.

На рассвете ему ветра
Развевают зелёный чуб.

Грустно здесь стоять одному,
А кругом полынь да ковыль.
Я на память лист подниму
О тебе, старина-бобыль.

На рассвете в степи чужой
Ты один провожал нас в бой.

Русская гармошка на Хингане

Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.

Кухня батальонная в тумане.
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.

Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.
Спутница солдатская — баклажка
Больше суток без воды гремит.

То она поёт и веселится,
То грустит о чём-то в вышине.
Русская гармошка за границей,
На чужой маньчжурской стороне.

Год назад

Отроги гор. Их дальняя вершина
Цепями стягивает сумрачный Хинган.
А наша одинокая машина —
Скорлупкой брошена
В песчаный океан.

Какая тишь!
Здесь миг похож на вечность.
Века назад —
Была морская гладь кругом.
Теперь степей усталых бесконечность.
Не здесь ли мы найдём
В песках
Свой вечный дом?

Друг

Смерть, говорят, на волосок
В бою прошла от нас...
От пули, посланной в висок,
Тебя товарищ спас.

Вон солнце, небо и трава,
И, значит, ты живёшь!
В тот миг — забыты все слова,
И другу — руку жмёшь.

Схватка

Цветок склонился к изголовью, — Пробита пулей голова. Обрызгана горячей кровью Степная жёсткая трава.	Стирали наспех пот и копоть, Роняли редкие слова. Как будто богатырь былинный, Поднялся в полный рост солдат. И только очередью длинной Считал убитых автомат.
--	---

* * *

Остановись и шапку скинь, прохожий:
В чужом краю, где степь гудит, пыля,
Лежит солдат... Ему была дороже
Всего на свете — русская земля!

Погибший на чужбине

Лежит парнишка у дороги, — Прострелена навывлет грудь. Не встать солдату по тревоге, Рукой уже не шевельнуть.	Встаёт сурово на колени И клятву верности даёт, Где у реки Шара-Мурени Чужая яблоня цветёт.
Он вздёрнул губы по-ребячьи, Синеет горький дым над ним. Мать далеко. Товарищ плачет, Прощаясь с другом боевым.	Витают ветры по долине, Чужая синь над головой. Но о погибшем на чужбине Не позабудет край родной.

С перевала

В горах, обнажённых и алых, Где скалы над бездной висят, По чёрному краю провала Проходит советский солдат.	— Я вижу далёкую речку И дом, где дождутся меня. Гармоника пела «Страданья», Но радость будила в груди. Высоты Большого Хингана Остались уже позади.
За острой грядой перевала Синеет другой перевал. Гармоника вдруг заиграла, И стал батальон на привал...	И громче запел запевала, И гор расступилась стена, Как будто с того перевала И вправду Отчизна видна!
Товарищ поправил уздечку, Похлопал по шее коня.	

ЛЕОНИД ОГНЕВСКИЙ

Был бой как бой

Был бой как бой.

Трещали автоматы,
И пулемёты лаяли, грозя загрызть,
И дальней артиллерии раскаты
Привычно отпевали чью-то жизнь.

И кто-то победил бы в этом бое,
Чьей силы больше было на весах,
Но тут в безумье грома, визга, воя
Решительно вмешались небеса.

Они наслали туч.

Ватагой тесной
Те в сумраке вечернем напоззли.
Сверкали молнии, и гром небесный
Вплетаться начал в грозный гром земли.

А я, а мы,

пехтура по окопам,
Отвыкшие от крыш над головой,
Промокшие и грязные, мы скопом
Внимали перепалке огневой.

Но в жизни, говорят, ничто не вечно.
Заметили мы:

только до поры
Над нами перекатывались встречно
Снарядов раскалённые шары.

Всё меньше, меньше пролетавшей стали,
Утихомиренной громовый ад.
И мы стрелять по немцам перестали
Без всяких приказаний и команд.

Сверкнула молния уж далеко-далече,
А край передний освещён, как днём,
И мы блаженно расправляем плечи
И кисти рук на брустверы кладём.

Глядим, а фрицы, те — поверх траншеи,
Враги заклятые,

сидят рядком,
По пояс голые, и потирают шею
Кто снятой майкой, ну а кто платком.

КОНСТАНТИН СЕДЫХ

И только в разбитом Берлине остынет его автомат

* * *

В вагонах русская гармошка, Родной сибирский говорок. Плывёт в тумане за окошком Звезды зелёный огонёк.	А он всё гонится за нами, Всё не насмотрится на нас. Наш путь далёк — на поле боя... Не будет звёзд родных полей, Но будет с нами там святое Благословенье матерей.
Его заносит облаками, Скрывает лесом каждый час.	

Парень из Иркутска

Под ивняком из мёрзлого болота
Дым ядовитый медленно ползёт.
У амбразуры вражеского дзота,
Закрыв собой немецкий пулемёт,
Лежит, как глыба серого гранита,
В упор прошитый строчкой огневой
Иркутский парень Пронька Подкорытов
С залитой кровью русой головой.
Стоят бойцы над Пронькой скорбным кругом,
И каждый молча думает о нём:
Вчера он был простым и скромным другом,
Сегодня стал великим земляком.
Не по приказу кинулся он к дзоту,
А по велению совести своей,
Как подобает в жизни патриоту,
Он отдал жизнь, но спас своих друзей.
Скрестивши на груди его ладони,
Шинелью окровавленной накрыв,
В могиле братской Проньку похоронят,
Но богатырский подвиг будет жив.
В святом бою с военщиной немецкой
Земляк наш пал в пороховом дыму.
В Иркутске жил он на Второй Советской,
И там поставят памятник ему.

Возвращение фронтовика

Чугунным мостом над кипучей рекой
Шагает с вокзала сержант молодой.

Омытые ливнями буйной весны,
Иркутские дали чудесно видны.

В лазурных туманах лежат острова,
Кипит по садам молодая листва.

И вплоть до байкальских серебряных гор
Широко распахнут весёлый простор.

Вдыхая всей грудью садов аромат,
В знакомую улицу входит солдат.

Вся грудь у него в орденах боевых —
В нашивках и алых, и золотых.

Приятно по улице парню шагать,
Людей поглядеть и себя показать.

Дивясь его стати, его орденам,
Бегут ребятишки за ним по пятам.

И слышит он их разговор за спиной:
«Вот это, должно быть, герой так герой...»

Волнуясь, вдыхая садов аромат,
В знакомую улицу входит солдат.

Клятва

Цветёт у дороги ромашка.
Лежит мальчуган под сосной.
Его голубая рубашка
Обрызгана алой росой.

Раскинуты смуглые руки,
Глядят и не видят глаза,
В них горьким свидетельством муки
Последняя стынет слеза.

К сосне завернув мимоходом,
Целует парнишку в висок

Идущий на запад походом
Бывалый сибирский стрелок.

Целует и молча стирает
С лица запыхлённого пот,
А сердце в груди закипает,
От гнева вздохнуть не даёт.

Уходит по дымной равнине,
Забывши усталость, солдат.
И только в разбитом Берлине
Остынет его автомат.

Воинская честь

*Памяти сапёра-сибиряка
П. Лазарева*

В том краю, где ясные озёра
От снарядов плещут и кипят,

Окружил курчавого сапёра
Вражеских разведчиков отряд.

Не успел он выхватить гранаты,
Распрямить мозолистой руки,
Как в упор взглянули автоматы
И упёрлись в грудь ему штыки.

Не просил он у врагов пощады
И, когда сумели одолеть,
Почернел от злости и досады
Что не мог, как надо, умереть.

Закрывалось небо облаками
И со дна озёр вставала муть.
Шёл он в плен крутыми берегами
И не смел на белый свет взглянуть.

В тальнике туманной котловины
Перешеек узкий меж озёр.
И на нём зарыты густо мины,
Сам их здесь закладывал сапёр.

По воронке давней от гранаты
Он узнал опасный поворот.
Не уйдут фашисты от расплаты,
Если он с тропинки не свернёт.

Не свернул и не убавил шага.
Шёл на гибель верную, на месть,
Как велела русская отвага,
Как велела воинская честь.

Пять шагов — и вздрогнули озёра,
Пять шагов — и, грозно озарив
Пламенем и славою сапёра,
На века раздался этот взрыв.

Навсегда запомним мы с любовью
Тех людей, что родине верны,
Имена свои вписали кровью
В огненную летопись войны.

У могилы сибиряков

О них ещё думают, как о живых,
Печальные матери в дальней Сибири,
Но спят они крепко среди сосен густых
В суглинке тяжёлом у Свири.

Трещит и дробится у Свири шуга,
За тучами прячется месяц унылый,
И воет всю ночь до рассвета пурга
Над тесной солдатской могилой.

Чуть мрак посветлеет — на жёлтой доске
Видны фотокарточки в чёрной каёмке.
Искрятся и гаснут в зелёном венке
Летучие звёзды позёмки.

Всевластное время венков оборвёт,
Размоет могилу водою холодной,
Но слава о них до Сибири дойдёт
И гордостью станет народной.

Жена солдата

Цветёт герань на подоконниках,
Струится в окна жёлтый свет.

В углу, на столике, гармоника
И мужа-воина портрет.

Приходит с поля чернобровая
Домой солдатская жена,
И жжёт ей грудь тоска суровая,
Глухая давит тишина.

Не раз, не два слезами вымоет
Певунью звонкую она,
Но не устанет ждать любимого,
Трудясь и мучаясь, жена.

Присядет к столику усталая,
Щекой к гармонии припадёт, —
И ей в ответ, как будто жалуясь,
Гармонь тихонечко вздохнёт.

К такой вернётся муж с отрадою
И примет с трепетом в крови
За всё, что выстрадал, наградою
Весь жар святой её любви.

МАРК СЕРГЕЕВ

Стояла насмерть русская земля

Фронтовые поэты

Фронтовые поэты.
В землянках, в блиндажах и каптёрках,
в заскорузлых шинелях,
в линялых своих гимнастёрках,
при случайной свече,
при коптилке из гильзы снарядной,
после боя, работы,
после дня в карауле, в наряде
как вам силы хватало
писать на краю, на пределе
всё, что вы заносили в блокноты свои
самодельные?

Фронтовые поэты.
С напором свинцового шквала
ваши жизни судьба,
ваши жизни война рифмовала,
И едва затихало сраженье —
атаке не вечно же длиться, —
как оно оживало
на ваших бессмертных страницах.

Но бессмертные строки
от смерти, увы, не спасали,
фронтовые поэты
бои на талант не списали,
но из братских могил
воскресало их слово живое,
батальоны к победе,

к бессмертью
ведя за собою.

Это я испытал,
точно знаю, как это бывает:
раскалённый металл
наши цепи огнём накрывает,
надо встать и бежать,
кровь и грязь пропитала обмотки,
победил, уцелел —
огнестрельные дыры в пилотке...

Фронтовые поэты.
Встречаю теперь вас нечасто:
вы, как прежде, — в строю,
ни рисовки,
ни позы, ни чванства...
Ваши строки живут: молодые, горячие,
цельные.
Вы храните — до срока —
блокноты свои самодельные.

Баллада о тополях

В тени их
скрыта школьная ограда.
Они следят с улыбкой за тобой,
горнист из пионерского отряда,
так мастерски владеющий трубой.
Нас кронами укрыв,
как шалашами,
они шумят
под вешнюю грозой...
Послушай:
я их помню малышами —
обыкновенной
тоненькой лозой.
Послушай:
в небе стыл рассвет белесый,
проткнула землю первая трава,
за ручки, важно,
приведа из леса,
их посадили мы —
десятый «А».
И ночью,
после бала выпускного,
мы поклялись

сюда опять прийти.
И вот мы к тополям
вернулись снова,
но впятером
из двадцати шести.
Горнист из пионерского отряда,
послушай:
кляत्व никто не нарушал.
Ты родился, должно быть, в сорок пятом
и, значит,
сорок первого не знал.
А в том году
схлестнулись
с силой сила,
стояла насмерть русская земля.
За тыщи вёрст
разбросаны могилы
тех, кто сажали
эти тополя.
Но,
будто бы друзья мои — солдаты,
стоят деревья
в сомкнутом строю,

и в каждом я,
как в юности когда-то,
своих друзей приметыв узнаю.
И кажется,
скажи сейчас хоть слово
перед шеренгой тополей живой —
и вдруг
шагнёт вперёд правофланговый
и в трауре поникнет головой.
Как требуют
параграфы устава,
начни по списку называть солдат:
— Клим Щербаков! —
И тополь —
пятый справа —
ответит:
— Пал в боях за Ленинград.
— Степан Черных! —
И выйдет тополь третий.
— Матвей Кузьмин! —

Шагнёт двадцать второй.
Нас было двадцать шесть
на белом свете —
мы впятером
с войны вернулись в строй.
Но остальные не уходят.
Рядом

они стоят,
бессмертны, как земля.
Горнист из пионерского отряда,
взгляни:
шумят под ветром тополя.
И если в час беды
о нас ты вспомнишь,
твой горн тревожно протрубит подъём,
то мы придём,
горнист,
к тебе на помощь,
живые или мёртвые —
придём.

Люди и города

А города людей — переживают.
Уже сошли мы безвозвратно в тень,
а всё ещё дома переживают.
Всё ищут нас локаторами стен.
В пролётах лестниц след наш не пылится.
Нас помнят телефоны, голоса,
и стёкла отражают наши лица,
и вещи помнят наши голоса.
Потом — туман напополам с тоскою.
Потом — забвенья тусклая вода...

...Не дай господь увидеть вам такое:
как мы переживали города.
Они, как люди, в горестях старели,
они стояли посреди войны.
Их волосы зелёные горели,
и были их глаза ослеплены.
И падали они. Во тьме лежали.
Но чуть враги — в атаку, на прорыв, —
и камни нас родные окружали
и умирали, нас собой прикрыв.

Возвращение на войну

Ветер пылью шумит по кустам,
леденеют сожжённые сёла...
И разносится: «Все по местам!» —
капитанское хриплое соло.

И, едва затихают слова, —
в направленье командного жеста,
отделенья летят в кузова,
и машины срываются с места.

догорел самокруткой привал,
лейтенанты сидят по кабинам:
в закипающий бой, как в провал,
резервистов бросают машины.

Все в воронках окопов края,
а над ними волна разрывная,
и безмолвное: «Делай, как я!» —
нам ползти до переднего края.

...Сколько лет в этом давнем бою,
сибиряк, паренёк бесшабашный,
я лежу у войны на краю
перед первой своей рукопашной.

Я лежу в ожиданье броска,
подбородком в песок упираясь,
и плывут от реки облака,
то густея, а то растворяясь.

Все товарищи живы пока,
у ребят — ни сомнений, ни грусти...
Через миг батальоны полка
голос Родины бросит на бруствер.

Каска прячет меня до бровей,
ал закат, точно рана сквозная.
И ползёт возле глаз муравей,
ни бессмертья, ни смерти не зная.

Возвращение с войны

Эшелоны гремят обратные,
посреди зимы.
и китайские аккуратные
отстают дымы.
По теплушкам снуёт метелица.
Караулим груз.
И ещё в наши жизни целится
по ночам хунхуз,
и ещё, куржаком оправленный,
от тревог устав.
через пули и спирт отравленный
наш гремит состав.

...Глинобитная улица узкая,
чей-то грустный взгляд.
Но всё ближе граница русская,
и сердца горят.
И уже нам ночами снится:
над волной раки,т,
распластавши крыла, как птица,
эшелон летит.

Смотрят матери удивлённо,
детвора бежит:
журавлиная стая вагонов
в небесах кружит.
И садятся напропалую,
развернув крыло,
кто на площадь на городскую,
кто в своё село.

Мы выпрыгиваем на травы,
ордена звенят,
ах, какие, о боже правый,
очи у девчат!

Как целуют они нас сладко
у речных раки...т...

Голова на шинельной скатке,
эшелон гремит.
Зори — мимо,
пространства — мимо,
в ледяной красе,
и колёса неутомимо
всё отстукивают с нажимом:
«Живы, мальчишки... живы, живы...
Да не все...
не все...»

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

У святых развалин Сталинграда умирал израненный солдат

Однажды

Я «вычислил» в тот раз «кукушку».
(То снайпер-итальянец был.)
И трижды
Брал его на мушку,
И трижды мушку отводил.
А он,
Агиткой сбитый с толку,
И зла к соседу не тая,
Читал вчерашнюю листовку,
Едва губами шевеля.

К нему
Проникся я доверьем.
Ведь есть наверно и семья?!.
Передо мной
Сидел «деревня»,
Такой же парень, как и я.

Но чудо всё же есть на свете.
Хотя его
Порой не ждём.
Он тоже ведь меня заметил,
Но продолжал играть с огнём!
Земля была

В холодном поте,
И на кону стояла жизнь.
Но взвесив все
И «за» и «против»,
Мы любовно разошлись.

Война — волшебная наука.
И мне маячил трибунал.
И если бы
Не маршал Жуков, —
Ты б эти строки
Не читал!..

* * *

Когда смотрю
На это фото,
Я, как мальчишка, встрече рад:
Передо мной —
Родная рота, —
Сто двадцать стриженных ребят.
Они,
Друг к другу прижимаясь,
Стоят у каменной стены.
Стоят,
Беспечно улыбаясь,
Как будто нет уже войны.

Колхозный
Бывший председатель,
А ныне — фоторепортёр,
Загнал солдат
В видеоискатель
И расстрелял
Бедняг в упор.
Он громко кашлял то и дело.
И знал, провидец, наперёд
Что этот снимок чёрно-белый
Всех, кто на нём,
Переживёт!..

Разведчики

Подбирались ночки потемнее,
Подождливей
Или поснежней.
Подбирались парни посильнее,
Одевались парни потеплей.
Подбирались со вся России,

В жизни не умевшие тужить.
Подбирались парни,
Да такие —
Гору сдвинут, только прикажи!

Затянувшись папироской поровну
И поправив «финку» на ремне,
Молча уходили на «ту сторону»,
Чтоб побыть с судьбой наедине.
Уходили тихо, не прощались,
Даже без обычного: пока!
Многие назад не возвращались,
Жизнь свою отдав за «языка».
Так и шли неделя за неделей.
Нынче бой,
А завтра снова бой...
Ордена они свои надели,
Лишь когда поехали домой!..

* * *

У могилы старого солдата,
Что скончался девять дней назад,
Видел я,
Как плакала собака,
Утирая лапою глаза.
Те глаза
Смотрели осовело
На спящих меж могил людей.
Ничего за эти дни не съела
Из того, что было перед ней.

А пред нею,
Перед самым носом,
В травке, что была едва видна,
В целости лежали
Не отбросы,
А вполне добротная еда.
И блины, и яйца, и горбуша,
И совсем нетронутый банан.
Кто-то даже кинул
«Ножку Буша»
И налил вина в пустой стакан.

Но собака
Ни пила, ни ела:
Берегла хозяину обед.
Как вдова,
Сидела и глядела

На ещё не выцветший портрет.
Лишь порою
Тяжело вздыхала:
Почему молчит он? Почему?
И не просто слёзы утирала,
А молилась Богу своему!..

* * *

Мой друг погиб уже после войны.
Победный май
Витал над бранным миром.
А мы,
Осиротевшие сыны,
Прощались с отделённым командиром.

Он был по званию
Только лишь сержант.
И выйти в генералы не стремился.
Писал стихи,
Неплохо, говорят,
А по годам
Нам всем в сыны годился.

Когда решался жизненный вопрос:
Быть иль не быть?
И кстати и некстати,
Мы в шутку,
А порою и всерьёз,
Его любовно называли «Батей».

И вот теперь
Ликует бранный мир,
Как бурлаки во время перекура.
Средь леса
И умолкнувших мортир
Поэта отыскала пуля-дура.

Все думали: окончена война.
Окончена отныне и навечно.
Но в этот день,
Безумная, она,
Была, как никогда, бесчеловечна!..

Душа поэта бродит среди могил
И до сих пор
К отмщению взывает.
Не новый ли Дантес его убил?..
Об этом лишь один Всевышний знает!..

Я Ермаковский старожил,
Был писарем в отдельной роте.
И верно Родине служил
В войсках,
Что ныне не в почёте.

На Западе был сущий ад.
Но ликовал злодей на Шпрее.
Непокорённый Ленинград
Еле дышал,
С петлёй на шее.

Шумел-гремел
Девятый вал
Под самовластною рукою.
Об этих днях
Мой друг сказал:
«Сибирь стояла под Москвою!»¹

Мы верили:
И грянет бой!
И знали: устоит столица.
А здесь,
За нашу спиной,
В мученьях корчилась граница.

«Нас было мало на челне»,
Одетых в рваные шинели.
А на маньчжурской стороне,
Как муравьи,
Враги кишели.

Три года длился тарарам.
Медали зайчиков пускали.
И те,
Прирученные,
К нам
Через рубеж
Перебегали.

Мне позывной их был знаком,
Хоть я служил простым солдатом.
Писал пером,
Колол штыком,
И спал в обнимку с автоматом.

---

¹Вас. Фёдоров

...В глазах
Таинственная грусть.
Уже зима не за горою.
Но, несмотря на всё, горжусь
Своей изменчивой судьбою.

Я Ермаковский старожил,
Был писарем в отдельной роте.
И верно Родине служил
В войсках,
Что ныне не в почёте!..

* * *

Помнишь, как мечтали вечерами?..
Он придёт,
Появится на свет.
С голубыми, ясными глазами,
Тот, кого пока что
В мире нет.
Он придёт,
Заполнив жизнь собою,
Ничего не ведая о том,
Что его рожденье взято с боем,
Счастье — завоёвано отцом!
Что когда гремела канонада
Вражеских снарядов и гранат,
У святых развалин Сталинграда
Умирал израненный солдат.
Умирал...
Однако вот не умер.
(Всё ж бывают в жизни чудеса!)
Выходили, вынынчили люди
Кровью истекавшего бойца.

Были б корни, — будут и отростки.
Были б кости, — мясо нарастёт...
Предо мною —
Мальчишки-подростки,
Старшему — одиннадцатый год.
Он, как ты,
Такой же синеокий,

Не глаза, а в поле васильки.
Краснощёкий,
Ростом не высокий,
Рыболов, вернувшийся с реки.
А другой — мальчишка-непоседа,

Колобком катается у ног.
— Весь в Михайлу, —
Это значит в деда
Мой меньшей,
Заботливый сынок!

...Счастлив я,
Что у детей есть детство!
Я — выдавший смерть, и не одну!
Люди!
Мы обязаны в наследство
Им оставить мир,
А не войну!..

* * *

Врачи всю ночь,
Как ангелы-хранители,
Стояли над солдатом не дыша.
И будто плёнка
В старом проявителе,
Он к жизни возвращался не спеша.
В бинтах,
В подушки заживо зарытый,
Лежал и даже не дышал солдат.
Лишь только пульс,
Как родничок забытый,
То замирал,
То бился невпопад.
К утру он шевельнул устало бровью,
Потом глаза открыл едва-едва...
...Смерть
Тихо дверь
Прикрыла за собою
И юркнула
В палату номер два!